У Толстого пассивный протестъ, смиренный бунтъ—неслышное посягательство на чудотвореніе, на своевластное, своеумное, своевольное разрѣшеніе міровой и личной трагедіи.

Та правда, то, отчего рвался Толстой всѣми силами своей души, расцвѣтаетъ съ каждой весной и вянетъ по осени, но *та* правда, къ которой онъ рвался—бездѣйственна, и бездѣйственна оттого, что ею созидается неразрѣшимая антиномія, неразрѣшенная ни жизнью, ни смертью Толстого. Антиномія эта въ стремленіи покориться Богу, противоборствуя волѣ Его, проявляющейся въ мірѣ, говоря затасканными словами Карамазова, Бога принять безъ міра Божьяго, въ стремленіи, наконецъ, сотворить свой міръ, показать свое чудо, *отъ себя*, безъ вѣры въ чудеса отъ Бога. Послѣдній предѣлъ всѣхъ разрѣшеній Толстовскаго вопроса о томъ, какъ жить свято и праведно, крайняя точка всѣхъ опрощеній, несопротивленій, небраченія, некуренія, неѣденія, недѣланія и другихъ „не“, всего безкрестнаго Толстовскаго аскетизма,—*сумѣть жить, не живя*, добыть въ земной жизни такую правду, по которой на землѣ жить нельзя, оставаясь въ мірѣ, въ исторіи,—нельзя жить своей волей безъ особой благодатной помощи свыше, безъ чудесной помощи Божіей, какъ жили святые и подвижники. Конечно, это квадратура круга—жить, не живя, *своими-то личными, безблагодатными силами*,—въ мірѣ быть и міра не познать, жить на землѣ и землю не принимать. Здѣсь безсиліе совѣсти обезбоженной, безтайной религіозности. Церковное христіанство въ подвигѣ аскетическаго жизнечувствованія, пріобщая тайнѣ крестности Христовой въ Святыхъ Таинствахъ своихъ все живое, мистически разрѣшаетъ эту антиномію правды и жизни. „Мы знаемъ, что мы отъ Бога, и что міръ лежитъ во злѣ. Знаемъ также, что Сынъ Божій пришелъ и далъ намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго, и да будемъ въ истинномъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ: Онъ есть истинный Богъ и жизнь вѣчная“ (Іоанн. I посл., 19—20). Морально-раціоналистически, одной гордыней большой совѣсти, величайшей мукой безъ креста и религіей безъ Христа, одинокимъ человѣколюбіемъ, огромностью человѣчьей—какая бы она ни была,—антиноміи этой не разрѣшить, какъ бы трогательна и величественна ни была одинокая невѣрующая молитва Толстого, какъ бы ни умилялъ его подвигъ вѣры невѣрующей...

Вѣдь здѣсь, въ концѣ-концовъ, просто кассація всего дѣла